

affranchis impériaux sous le Haut-Empire romain : rôle politique et administrative. – Naples: Jovene, 1970 // The Journal of Roman Studies. – 1977. – Vol. 67. – P.162–166.

9. Champlin E. J. Fronto and Antonine Rome. – Harvard UP, 1980. – xii, 185 p.

10. Demougin S. L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens. – Rome: École Française de Rome, 1988. – 923 p.

11. Demougin S. Prosopographie des chevaliers Romains Julio-Claudiens (43 av. J.-C. – 70 ap. J.-C.). – Rome: Palais Farnèse, 1992. – 717 p.

12. Devijver H. De Aegypto et exercitu Romano sive prosopographia militiarum equestrium quae ab Augusto ad Gallienum seu statione seu origine ad Aegyptum pertinebant (Studia Hellenistica XXII). – Leuven: Studia Hellenistica, 1975. – 128 p.

13. Devijver H. Prosopographia militiarum equestrium quae fuerunt ab Augusto ad Gallienum: Laterculi alarum, cohortium, legionum (Symbolae Series A): In 6 vol. – Leuven: Universitaire Pers Leuven, 1976–2001.

14. Dobson The Significance of the Centurion and Primipilaris in the Roman Army and Administration // Dobson B. Roman Officers and Frontiers. – Stuttgart: Franz Steiner Verls, 1993. – 143 – 185.

15. Hassal M. The Army // The Cambridge Ancient History: in 14 vol. Vol. 11. The High Empire, A.D. 70–192. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P.320–343.

16. Millar F. A Study of Cassius Dio. – Oxford: Oxford University Press, 1964. – xiv, 239 p.

17. Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337). – London: Duckworth, 1977. – xvi, 656 p.

18. Millar F. Government, Society, and Culture in the Roman Empire. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2004. – xxix, 470 p.

19. Pavis d'Escurac H. La préfecture de l'annone: service administratif impérial d'Auguste à Constantin. – Rome: École française de Rome, 1976. xiii, 473 p.

20. Pflaum H.-G. Les procurateurs équestres sous le Haut-empire Romain. – Paris: Maisonneuve, 1950. – 357 p.

21. Pflaum H.-G. Les Carrières Procuratoriennes Équestres Sous Le Haut-Empire Romain: En 3 vol. – Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1960–1961.

22. Prosopographia Imperii Romani / Ed. E. Groag et A. Stein – 2nd ed.: In 8 vol. – Berolini, Lipsiae: W. Gruyter, 1933– 2015.

23. Saller R.P. Promotion and Patronage in Equestrian Careers // The Journal of Roman Studies. – 1980. – Vol. 70. – P.44–63.

24. Shervin-White A. Procurator Augusti // Papers of the British School at Rome. – 1939. – Vol. XV. – P.11–26. Pavis d'Escurac H. La préfecture de l'annone: service administratif impérial d'Auguste à Constantin. – Rome: École française de Rome, 1976. – xiii, 473 p.

25. Southern P. The Roman Army. A Social and Institutional History. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – xi, 383 p.

26. Waever P.R.C. «Familia Caesaris». A social study of the emperor's freedmen and slaves, Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – 330 p

27. Webster G. The Roman Imperial Army of the of the First and Second Centuries A.D. (3d Edition). – Norman: University of Oklahoma Press, 1998. – xxiii, 349 p.

«...ИБО Я НОШУ ЯЗВЫ ГОСПОДА ИИСУСА НА ТЕЛЕ МОЕМ». ТАТУИРОВКА И КЛЕЙМЕНИЕ В ГРЕКО-РИМСКОЙ АНТИЧНОСТИ

А. В. Козленко

Минск, Белорусский государственный университет strator40@gmail.com

Название текста восходит к словам апостола Павла из «Послания к Галатам», где речь идет о ранах Христа, как о стигматах, которые верующий имеет на своём теле. Для современников апостола Павла слово стигматы имело основное значение «клеймо», или точнее, «татуировка» на теле раба или варвара. Выбор Павлом этого термина определил последующую традицию его использования как знака мученичества. Хотя отцы церкви понимали этот образ метафорически, некоторые верующие в Египте и на Ближнем Востоке действительно делали себе татуировки на теле. Не смотря на отрицательное отношение к этой практике церкви, здесь она сохранилась вплоть до недавнего времени.

Ключевые слова: античность; христианство; церковь; мученичество; гонения; рабство; стигматы; татуировка; клеймо.

The title of the paper goes back to a quote from the Galatians 6:17 about crucifixion wounds of Jesus Christ as a stigmata on the body of the believer. For the Galatian and Greek followers of the Apostle Paul the word *στίγματα* had basic meaning "brand", or more precisely, "tattoo" on the body of a slave or barbarian. Paul's choice of this term determined the subsequent tradition of its use as a sign of martyrdom. Although Early Church Fathers understood metaphorically this idea, some believers in Egypt and the Middle East actually got tattoos on their bodies. Despite the negative attitude towards tattoo practice from the Church authority, this tradition has been preserved here until recently.

Keywords: ancient history; Christianity; church; persecution; stigmata; tattoo; brand; slavery; martyrdom.

«Послание к Галатам» входит в новозаветный канон. Оно было написано апостолом Павлом и адресовано ряду раннехристианских общин Галатии. Большинство ученых не сомневаются в аутентичности этого источника и датируют его концом 40-х или началом 50-х годов. Центральной темой послания является вопрос о взаимоотношении между иудейским законом и верой в Христа, в т.ч. вопрос о необходимости новообращённых язычников галатов придерживаться Моисеева обычая обрезания. Радикализм суждения Павла в этом и других смежных вопросах, создали определенное напряжение в его отношениях с другими проповедниками учения Христа. Исходя из оценки ситуации, в самом начале послания Павел специально акцентирует внимание слушателей на своем апостольском призвании, которое было принято им не от людей, а от самого Господа. Призвание позволяет ему благовествовать Евангелие: «Но если даже мы или Ангел с неба, – пишет Павел, – стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1:9). По этой причине «Послание к Галатам», как никакое другое из его писем, богато биографическими деталями. Павел много рассказывает о своей жизни, моменте обращения, последующих путешествиях, об отношениях с другими апостолами, в т.ч. о своем столкновении с Петром. В завершении послания Павел вновь возвращается к этой же теме и пишет: «Впрочем, никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса (*τὰ στίγματα τοῦ Ἰησοῦ*) на теле моем» (Гал. 6:17).

Появляющееся в этой фразе слово «стигмата» (*στίγματα*) является отглагольным существительным от *στίζειν* «колоть», и может означать острие, например, острый угол в геометрии, или осиное жало, но также результат воздействия, в т.ч. след укола на коже, а в более широком смысле «рана», или же «язва», как в Синодальном переводе. Контекст словоупотребления здесь очевиден, поскольку «стигматы», о которых пишет Павел, напрямую увязаны им с именем Иисуса (*τὰ στίγματα τοῦ Ἰησοῦ*) и означают раны Христа. Остаётся не вполне ясным,

имеет ли здесь апостол в виду реальные стигматы, намекает ли, как считают некоторые исследователи, на следы, оставшиеся у него на теле от описанного в «Деяниях Апостолов» (Деян. 14:19) побития камнями, или вся фраза носит целиком метафорический смысл. Против трактовки «стигмат» как реальных ран говорит этимология слова, которое имеет прямое значение следа от укола или колотой раны, но не тупой травмы, остающейся после удара камнем. Хотя *τά στίγματα* в значении «рана» является не самым очевидным смыслом этого слова для современников апостола Павла, сделанный им выбор определил последующую терминологию и традицию его использования. У Григория Нисского, Василия Великого, Иоанна Дамаскина и других отцов церкви *τά στίγματα* определённо означают «раны Христа» и являются знаком мученичества, который чудесным образом проявляется на теле и даже на материальных предметах [1, p. 1303–1304].

Конфликт между прозрачным для понимания смыслом фразы и затруднением ее буквального толкования создается основным значением слова *στίγματα*, которое означало клеймо или, точнее, татуировку на теле раба или варвара. В этом значении термин *στίγματα* употребляется в греческой литературе по крайней мере со времен Геродота [2, Sp. 2520–2522]. Он хорошо представлен также у других греческих авторов классического и более позднего времени. Многократно этот термин зафиксирован также у римских авторов, которые при необходимости, или калькировали греческое слово *stigma*, или, реже, использовали в том же контексте термины *punctum* или *titulus*, демонстрирующие схожую с греческой модель образования существительного, производного от глагола со значением «колоть». Интересно, что происхождение современного английского слова *tattoo*, от которого происходит русское «татуировка», демонстрирует ту же схему образования. Оно является производным от полинезийского *tatau* – «бить, ударять» и означает одновременно технику нанесения рисунка на кожу и результат её применения. В современный английский язык слово *tattoo* вошло после публикации в 1773 г. отчёта знаменитого мореплавателя Джеймса Кука, в котором он подробно описал технику татуировки, используемую полинезийцами на Таити. Прежде в европейских языках использовались другие термины: *grafism* или *hieroglif* в значении «рисунок», а также французский *riçuage*, испанский *pintados*, английский *punctures* или голландский *stechmalen*, сходство с которыми имеет также русское «наколка» [3, p. 141–142].

Наряду с обычаем нанесения на тело раскраски, татуировка является широко распространённой и очень древней практикой, встречающейся у самых разных народов земного шара. О времени происхождения этого обычая свидетельствуют находки мумифицированных останков древних людей со следами татуировки на теле. Сегодня известно о, по крайней мере 49 подобных мумиях, ареал распространения которых охватывает Сибирь, Монголию и Западный Китай, Египет, Судан, Филиппины и область Анд. Самой древней и известной мумией на сегодняшний день является Этци, тело которого было найдено в 1991 году в Тирольских Альпах. По сопутствующим находкам учёным удалось выяснить, что Этци жил около 3250 г. до н. э. На его теле была обнаружена 61 наколка в форме точек, линий и крестов. В отличие от современных татуировок, сделаны они были не точечными уколами, при помощи небольших надрезов, в которые затем втирался измельчённый древесный уголь. Судя по расположению татуировок на теле Этци, они могли иметь терапевтическое значение и как-то быть связанными с ревматоидными болями, которыми он страдал при жизни. В 2018 году в Египте были обнаружены две ещё более древних мумии со следами фигурных татуировок,

одна из которых датируется 3351 г. до н.э., а другая 3017 г. до н. э. [4, р. 19–24; 8, р. 194].

Помимо археологических находок мумий существуют многочисленные свидетельства повествовательных и документальных источников. Геродот сообщает, что на берегу Канобского устья Нила стоял храм Геракла, обладающий правом убежища. «Если раб – пишет он, – убежит сюда и посвятит себя богу наложением священных знаков (στίγματα ἱρά), то он становится неприкосновенен» (Пер. Г. А. Стратановского) (Hdt., II, 113). О стигматах в форме двух «варварских знаков» на запястье (εστίμμενος), как особых приметах бежавшего раба-сирийца, упоминает папирус из сирийского Гиераполя, датируемый 156 г. до н. э. (P. Pap. X, 8-9). «Варварские» буквы скорее всего имели арамейское происхождение. В греко-римский период здесь было крупнейшее святилище сирийской богини Атаргатис, возможно они представляли собой первые буквы имён Атаргатис и её супруга Хадада [3, р. 144]. Лукиан в трактате «О сирийской богине» пишет: «Все здесь покрывают себя уколами (στίζονται, т.е. «наколками»): одни – руки, другие – шею. Вот почему ассирийцы имеют на своем теле следы уколов (στίγματοφορέουσι)» (Пер. С.С. Лукьянова) (Luc. Syg. D., 59). В книге Левит вводится запрет на нарезки на теле ради умершего и запрет на накалывание письмен. В Септуагинте соответствующий термин переведен как γράμματα στικτά (Лв. 19:28). Кроме того, Мишна указывает, что татуировка кожи чернилами или красками, или чем-либо, что оставляет следы, является проступком, наказуемым ударами плетью (Мишна 3:6).

Об обычаях татуировки у фракийцев упоминает Геродот, который объясняет, что «татуировки на теле (εστίχθαι) у них считаются символом благородства. У кого их нет, тот не принадлежит к благородным» (Hdt., V, 6). Ксенофонт пишет о похожем обычае у родственных фракийцам моссинойков в Малой Азии: «их спины были размалёваны, а спереди они сплошь были покрыты татуированными цветами» (Пер. М. И. Максимовой) (Xen. Anab., V, 4, 32). Об обычаях кочевников причерноморских степей сообщает ряд авторов, в т.ч. географ Помпоний Мела, который пишет, что агафирсы разрисовывают лица и тела в зависимости от древности рода, и узоры эти невозможно смыть (Pomp. Mela, II, 10). Вергилий упоминает в «Энеиде» «разрисованных агафирсов» (pictique Agathyrsi), а в «Георгиках – «разрисованных гелонов» (Verg. Aen., IV, 146; Georg., II, 115). Грамматик Сервий, комментируя эти строки, пишет, что агафирсы являются племенами Скифии, а слово «picti» в данном случае не означает «имеющие татуировки» (picti autem non stigmata habentes) подобно народу в Британии [который такие татуировки имеет]». Здесь имеется в виду хорошо известный обычай британских пиктов раскрашивать (лат. pingere) или татуировать свои тела. Об этом обычае сообщает также готский историк Иордан: «Не знаю, ради ли украшения или по другой какой-то причине расписывают они себе тела железом» (Пер. Е. Ч. Скржинской) (Iord. Get., 14).

В то время как у варварских племен татуировка была украшением, у цивилизованных народов она считалась знаком бесчестия, который ставился на кожу военнопленных, преступников и беглых рабов. Геродот рассказывает, что фиванцев, сражавшихся вместе с Леонидом в Фермопильском проходе, но положивших оружие и сдавшихся в плен, персы заклеили царским знаком (εστίζαν στίγματα βασιλῆα) (Hdt., VII, 233). Курций Руф упоминает греков, которые встретили Александра при взятии Персеполя: у одних из них были отрублены руки или ноги, другие были заклеены «варварскими буквами» (Curt., V, 5, 6). От персов, возможно, этот обычай переняли афиняне, которые во время осады Самоса

в 439 г. до н.э. ставили захваченным пленным на лбу клеймо в форме корабля самены (ἑστίζον εἰς μέτωπον); в свою очередь, самосцы клеймили захваченных афинян изображением совы (Plut. Per. 26, 4). Отголоском этой истории является реплика неизвестного персонажа из сохранившегося фрагмента комедии Аристофана «Вавилоняне»: «Это граждане Самоса, как сам можешь прочесть» (Hesych. s.v. Σαμίων ὁ δῆμος). В память об этой жестокости после поражения Сицилийской экспедиции сиракузяне продавали афинских пленников, заклеив их лбы изображением лошади (στίζοντες ἵππον εἰς τὸ μέτωπον) (Plut. Nik., 29, 2). Наконец, Витрувий упоминает о статуе, изображавшей царицу Артемисию из Галикарнаса, ставящей клеймо на лоб (stigmata imponentem) родосских пленников (Vitr., II, 8, 15).

У римлян клеймо на лоб ставилось рабам в наказание за попытку побега или другую провинность. Диодор Сицилийский обвиняет в излишней жестокости сицилийских рабовладельцев, которые накануне рабского восстания 136–132 гг. до н.э. клеймами (στίγματα) метили тела и лица своих рабов без всякой вины последних (Diod., XXXIV, 2, 1). Нередко хозяева рабских эргастулов обвинялись в похищении свободных людей, которым они делали татуировку на лице и таким образом выдавали их за беглых (Quint., VII, 4, 14). Широкою известность приобрела история спасения Анция Рестиона, который в ходе проскрипций триумвиров был объявлен вне закона, но спасён от смерти рабом, которого он сам прежде приказал заковать в кандалы и заклеить. Описывая облик этого спасителя, Валерий Максим говорит о «неизгладимых буквах» (inexpiabilique litterarum nota) (Val. Max., VI, 8, 7), Марциал – о заклеённом лице (fronte notatus) (Mart., III, 21); Кассий Дион – о στίγματα (Dio Cass., 47, 10, 4–5). В одной из своих эпиграмм Марциал потешается над вольноотпущенником, тщетно пытающимся замаскировать клеймо: «Точно как звездами лоб его мушками часто залеплен. / Он неизвестен тебе? Мушки отклей – и прочтешь» (Пер. Ф. Петровского) (Mart., II, 29).

В романе Петрония «Сатирикон» представлен следующий комичный эпизод. Главный герой романа Энколпий и его возлюбленный Гитон пытаются скрыться с судна, на котором их сопровождает некий Эвмолп. Когда несколько вариантов побега было отброшено, Эвмолп предлагает товарищам выдать себя за рабов. Предложение было принято, кликнули слугу цирюльника, который обрил обоим волосы. «Затем Эвмолп громадными буквами украсил нам обоим лбы и щедрой рукой вывел через всё лицо общеизвестный знак беглых рабов (ingentibus litteris et notum fugitiuorum)» (Пер. Б. Ярхо) (Petr. Sat., 103). Обман не сработал, Энколпий и Гитон были опознаны, влюблённая в Гитона женщина, от которой столь экстравагантным способом пыталась спастись эта парочка, увидев наколки на лицах, залилась слезами. Её спутник, имеющий свои виды на Энколпия, утешает ее следующим образом: «О, простодушная женщина! Да разве эти буквы выжжены железом? О, если бы чело их на самом деле осквернилось подобными надписями! Это послужило бы нам величайшим утешением» (Petr. Sat., 106). Представленный здесь перевод не совсем точен. В оригинале текста буквы не «выжжены железом», а «напитаны железом» (ferro graeparata litteras biberint), т.е. автор скорее подразумевает татуировку, а не выжженное клеймо.

В императорскую эпоху клеймо ставилось на лоб преступникам, осуждённым на работу в рудниках [6, р. 124–125]. Светоний пишет об императоре Калигуле «Многих граждан из первых сословий он, заклеив раскаленным железом (stigmatum notis), сослал на рудничные или дорожные работы...» (Пер. М. Л. Гаспарова) (Suet. Cal., 27, 3). Новелла Константина Великого от 316 г. предписывает наносить татуировки на руки приговорённых к рудникам или к

смерти на арене, «поскольку лицо создано по образу и подобию божиему и, следовательно, даже в лице преступника божественная красота должна оскверняться как можно меньше» (Cod. Theod. IX, 40, 2 = Cod. Iust., IX, 47, 17). Вегетий, писавший в конце IV или начале V века, упоминал о «нестираемых знаках», наносившихся на кожу новобранцев (in cute punctis milites scripti) при их поступлении на военную службу (Veget. Epit., I, 8: II, 5). Эта мера должна была максимально затруднить для них возможность дезертирства. Примерно к тому же времени, когда Вегетий писал свою работу, относится эдикт от 15 декабря 398 г., изданный императорами Аркадием и Гонорием и предписывавший магистру официий Гозию «клейма (stigmata), которые представляют собой знак государственный (nota publica), следует наносить на руку работникам оружейных мастерских подобно тому, как это делается в отношении новобранцев, чтобы таким образом опознать дезертиров» (Cod. Theod., X, 22, 4) [7, p. 96].

О технической стороне вопроса рассказывает византийский врач Аэций из Амиды. В своей работе «Шестнадцать книг о медицине» он подробно описывает применявшуюся технику татуировки и приводит рецепт использовавшихся при этом чернил: «О наколках (περί στίγματος). Так называются надписи, которые пишутся на лице или какой-либо другой части тела, например, на руках солдат, и с этой целью используются следующие чернила... [Далее приводится рецепт]. Применять, прокалывая кожу иглой, вытирая кровь и втирая в рану сначала сок лука-порея, а затем чернила» (Aet., VIII, 12).

Чернила, рецепт которых приводит Аэций, состояли из золы, полученной от коры египетской сосны, бронзового порошка, купороса, уксуса, желчи, и лукового сока. Все ингредиенты следовало истолочь, перемешать и полученный таким образом порошок размешать в растворе из двух частей воды и одной части лукового сока. Аэций также рассказывает, как в случае необходимости можно было избавиться от такой татуировки. С этой целью нужно было приготовить едкий состав, которым следовало очистить клеймо и закрыть повязкой на пять дней. Татуировка полностью выводилась за 20 дней, не оставляя после себя рубца или шрама [3, p. 142–143].

В эпоху гонений многие христиане подверглись разного рода наказаниям, в т. ч. оказались заклеены как преступники. Понтий Карфагенский, диакон африканской церкви и автор жизнеописания св. Киприана, пишет о множестве прихожан, лбы которых заклеены уже вторично и являют собой образец мученичества (Vit. С. Сург., VII, 14, 88). Одно из толкований этой загадочной фразы состоит в том, что первой «стигмой» Понтий, вслед за апостолом Павлом, считает невидимую печать крещения [7, p. 81]. Позже клеймение практиковали и сами христиане в отношении еретиков и оппонентов. В правление покровительствующего арианам императора Валента к изгнанию был приговорен диакон, строго приверженный православному вероучению; перед тем на его лбу был начертан знак Святого Креста (Theod. Hist. Eccl., IV, 22). Зонара сообщает, что император иконоборец Феофил приказал наказывать двух иконопочитателей, наколов (κατέστιξε) им на лицах буквы и залив их чернилами, так что получившиеся стигматы (στίγματα) включали 12 строк написанного императором стихотворного текста (Zon., III, 409) [3, p. 148].

Кроме принудительного клеймения, существовали христианские секты, прибегавшие к добровольному. Иринея Лионский рассказывает о еретиках карпократах, гностической секте II века из Египта, которые использовали с этой целью раскаленные иглы (Iren. Her., I, 25, 6; Erip. Pan., 27, 5).

Добровольное татуирование практиковали также манихеи. Виктор Витенский упоминает о надписи, виденной им на голени одного монаха: *Manichaeus discipulus Christi Iesu* (Vict. Hist. Persec., II, 2). Возможно, этот текст предназначен служить отражением слов Иоанна Богослова: «И на одежде его, и на бедре его было написано имя: Царь Царей и Господь Господствующих» (Апок. 19:16).

Отношение к этой практике со стороны официальной церкви оставалось отрицательным, поскольку она слишком сильно напоминала обычаи язычников. Преподобный Ефрем Сирийский в своём толковании Второзакония вводит категорический запрет для христиан: «Повелевает и постановляет законом на телах своих не делать едкими составами неизгладимых начертаний, подобно тому, как делают Египтяне, на телах своих начертывая неизгладимые изображения богов своих» (Втор. 14: 11).

Не смотря на церковные запреты, практика татуировки всё же имела хождение в Египте и на Ближнем Востоке. Важным дополнением к свидетельствам повествовательных источников являются археологические находки. Несколько лет назад в Судане было обнаружено естественно мумифицировавшееся тело женщины с монограммой архангела Михаила (ΜΙΧΑΗΛ), татуированной на внутренней стороне ее бедра. Находка датируется VII веком [8, p.194].

Французский путешественник Жан де Тевено, посетивший Иерусалим в 1657 году, упоминает в своём отчёте, что паломники-христиане делали здесь себе «нестираемые рисунки» на коже при помощи деревянной дощечки с острым контуром и втираемого в рану мелко истолченного угольного порошка. Даже в начале XX века европейские посетители Коптского квартала в Каире немедленно оказывались окружены здесь шумной толпой детей, демонстрирующих им вытатуированный на правом запястье знак креста и непрерывно кричащих: «Носрани, носрани (христианин)! Бакшиш!» [3, p. 141–142, 145; 9, p. 94–110].

Библиографические ссылки

1. Lampe, G.W. *Patristic Greek Lexicon* / G.W. Lampe. – Oxford: Clarendon Press, 1961. – 1616 p.
2. Hug, A. *στυγματίας* / A. Hug. // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. G. Wissowa (Hrsg.). – Bd VI, 2. – Stuttgart, 1929. – Sp. 2552.
3. Jones, C.P. *Stigma: Tattooing and Branding in Greco-Roman Antiquity* / C.P. Jones. // *Journal of Roman Studies*, 1987. – Vol. 77. – P.139–155.
4. Deter-Wolf, A., Robitaille B., Krutak L., Galliot S. *The World's Oldest Tattoos* / A. Deter-Wolf et al. // *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2016. – Vol. 5. – P. 19–24.
5. Dinter, M. T., Khoo, A. *If Skin Were Parchment...” Tattoos in Antiquity* / M. T. Dinter, A. Khoo, // *Tattoo Histories: Transcultural Perspectives on the Narratives, Practices, and Representations of Tattooing*. Kloß S.T. (ed.) – London: Routledge, 2019. – p. 85–102.
6. Millar, F. *Condemnation to Hard Labour in the Roman Empire, from the Julio-Claudians to Constantine* / F. Millar. // *Papers of the British School at Rome*, 1984. – Vol. 52. – P. 124–147.
7. Gustafson, M. *Inscripta in fronte: Penal Tattooing in Late Antiquity* / M. Gustafson. // *Classical Antiquity*, 1997. – Vol. 16. – P. 79–105.
8. Lacovara, P. *The World of Ancient Egypt: A Daily Life Encyclopedia* / P. Lacovara. – Denver and Santa Barbara: Greenwood, 2016. – 632 p.
9. Ousterhout, R. *Permanent Ephemera: The Honourable Stigmatisation of Jerusalem Pilgrims* / R. Ousterhout // *Between Jerusalem and Europe: Essays in Honour of Bianca Kühnel*. – Leiden and Boston: Brill, 2015. – P. 94–110.